

Ирина Горошко

Рассказы

Девочка. Аня

1

Квадратные носы ботинок впечатывались в мокрую мягкую почву. Джинсы пообтрепались внизу, стеганое пальто горчичного цвета некрасиво темнело на рукавах у запястий.

Накрапывал дождь, в квадратной сумке-шоппере валялся зонг, но доставать его не хотелось. Еще там были тряпичный кошелек, книжка «Удушье» Чака Паланика в помятой оранжевой обложке, замусоленный дневник ученицы восьмого «А» класса, несколько тетрадок, пара учебников и гигиеническая помада. И ключи.

Аня медленно шла вдоль реки, капли дождя падали на воду и становились рекой. Она тоже хотела быть рекой, спокойной, уверенной, безмятежной. Но тишину яростно прервала сумка, что-то в ней визжало и требовало внимания. Ах да, в сумке еще был телефон.

— Да, мам?

— Аня, где ты? Уроки когда закончились?

— Мам, я гуляю.

— С кем?

— Одна! Всегда одна, мама! Когда ты уже прекратишь спрашивать?

Аня отнесла телефон от уха, палец завис над кнопкой с красной трубкой.

— ...Да гуляй ты с кем хочешь, можешь мне не говорить, но хотя бы звони, что опять ушла! Я сижу дома, борщ сварила, жду, а тебя нет и нет.

Глубокий вдох, выдох, — выдохнуть злость и раздражение.

— Мам, я буду через час, хорошо?

— Тебе тепло там? Дождь идет, у тебя зонг хоть есть?

— Мам.

— Таблетки мне купишь по дороге?

— Они же по рецепту, мама.

— Точно. Жду тебя. Пока.

Поднялась по серым парковым ступеням, вдали в тумане виднелась чешуйчатая башенка обсерватории планетария. За ней проглядывал нечеткий круг колеса обозрения с едва различимыми красно-желтыми кабинками.

Ирина Горошко родилась в 1989 году в Минске. Магистр социальных наук. В разные годы жила в Вильнюсе, Риге, Ереване, изучала визуальные, культурные и гендерные исследования в Европейском гуманитарном университете. Живет в Гомеле.

В «Дружбе народов» — первая толстожурнальная публикация автора.

— Привет, Аня.

Она стояла рядом, как всегда, голая, как всегда, неживая.

— Ты снова тут?

— Конечно, тут. Я всегда тут. Идем?

Она взяла руку Ани в свою, сероватую, полупрозрачную. Ане хотелось сжать ее покрепче, но было страшно, что тогда она исчезнет, испарится.

Дошли до планетария, она открыла тяжелую дверь, пропустила Аню вперед.

— Не бойся, ты же знаешь, когда ты со мной, они тебя не видят.

Кассирша равнодушно читала газету, уборщица смотрела в стену. Никто не обратил на них внимания. По полу, выложенному мозаикой из острых кусков битой плитки, они прошли в зал. Темно, несколько человек, раскиданные по разным креслам зрительного зала, смотрели на купол, по которому были разбросаны яркие созвездия.

Аня села, сделала глубокий вдох, закрыла глаза.

— Сегодня такие кадры собрались, — прошептала она, — будь готова.

— Готова к чему? — не успела Аня закончить вопрос, как нечто подхватило ее и унесло. Она растворилась, ее не стало. Через несколько секунд она увидела Большую Медведицу на куполе глазами Юлии, двадцатипятилетней женщины. Юлия утром узнала, что беременна от бывшего, гуляки и наркомана. Она бестолково бродила по городу полдня, пытаясь понять, способна ли на аборт, и вот очутилась в планетарии. Не удивительно, что Аню занесло именно в нее: расстроенные, рассеянные люди — самые легкие объекты для вселения. Было бы здорово, если бы в такие моменты у Ани была свобода воли и она могла решать, как поступить с этими людьми, — заставлять их делать что-то или нет. Но никакой свободы не было. Как только Аня вселялась, она уже знала, что случится, все было предreshено, как будто нечто более сильное просто использовало Аню для каких-то своих замыслов.

Юлия хлопнула дверями планетария и пошла к Свислочи. На ней было тонкое трикотажное платье, она не заметила, что оставила пальто в зале. Девушка долго стояла, смотрела на воду. Потом перелезла через ограду и свалилась в реку. Было темно и безлюдно, никто ничего не заметил. Аня дома ела борщ.

2

— Она не должна так делать.

Ане было десять. Она сидела на лавочке вполоборота, опираясь ладонями на деревянную спинку, а подбородком на ладони, глядя на огромного бронзового Максима Горького, который смотрел на воды Свислочи, заточенные в бетонные стены. Мама сидела рядом, закинув ногу на ногу, держала книгу в одной руке, а другой прикрывала глаза от слепящего солнца.

— Кто ты? — еле размыкая губы, прошептала Аня.

— Я — подружка. А она — нет, — слева стояла девочка примерно возраста Ани и указывала на маму.

Странная девочка. Бледная слишком, прозрачная почти.

— Почему ты голая? — тихо спросила Аня.

Мама дернула плечом, положила руку на колено дочери и провела по голой коже до самого начала ее коротких, еле прикрывающих попу шорт.

— Так надо, — прошептала девочка. — Идем со мной, я тебе что-то покажу.

— Мам, я прогуляюсь, — Аня поднялась, потянулась, вытягивая сцепленные в замок руки вверх.

— Хорошо, но недалеко. Чтобы я тебя видела, — мама не оторвалась от книги.

Аня с девочкой спустились к набережной, девочка шла еле-еле, словно имитируя движения в замедленной съемке, Аня пыталась подражать.

— Она не должна так делать, Аня, — повторила девочка.

— Как делать? Кто? — Аня не могла оторваться от большого пальца левой ноги, обтянутого белым носочком. Вот она поднимает ногу, он медленно отрывается все дальше от земли, все ближе к Ане, а потом — раз, и снова обратно к земле.

— Она, — девочка указала на сидящую в пышной зелени деревьев маму. — Она не должна этого с тобой делать.

— Аня! — мама широко махала рукой и показывала на часы.

— Она не видит тебя, так? — повернулась Аня к девочке и впервые рассмотрела ее: большие глаза с совершенно белыми ресницами, нос в белых веснушках, бледные губы. — Тебя не существует, так?

— Я — подружка, Аня. А она — нет.

Она так никогда и не рассказала, как ее зовут, сколько ей лет, откуда она взялась. Аня про себя называла ее просто «девочка», а когда злилась — «мертвая девочка».

Когда Ане стало тринадцать, девочка показала фокус. Привела в планетарий и предложила представить, что Аня может стать любым человеком из тех, кто там сидит. Нужно было пройти к креслу в самом дальнем ряду, чтобы за спиной никого не было, прикрыть глаза и дышать медленно-медленно — медленный вдох, медленный выдох — и пауза, не дышишь. И слушаешь, чувствуешь.

И Аня услышала. Как бьется сердце женщины в первом ряду. Как трепещет от страха перед походом к зубному рыжий мальчик слева. Как боль разливается по телу женщины справа, от которой утром ушел любовник. И когда Аня словно наполнилась всеми этими людьми, произошло что-то, перескок, переключение, и она оказалась рыжим мальчиком, не слышащим ни слова о планетах и звездах, угнетенным мыслями о том, что меньше чем через час нечто страшное и жужжащее будет сверлить у него во рту, и он не сможет пошевелиться или ответить, не сможет встать и убежать, а рядом будет сидеть мама и за всем этим наблюдать. Или, что хуже, мама вообще останется в коридоре, и он будет брошен один на один с маньяком в белом халате, забрызганном кровью. Аня оторвала руку мальчика от подлокотника, аккуратно потянула за жесткий язычок молнии на ранце. Пальцы мальчика вцепились в холод стальных ножиц.

Сеанс закончился, включился свет, мама мальчика повернулась к сыну — и закричала. Рука мальчика была красная, он проткнул кожу между большим и указательным пальцем и расковырял рану так, что она сочилась кровью. К зубному в тот день они не попали.

3

Мертвая девочка появилась в том году, когда умер папа.

Аня в тот самый момент катилась вниз в кабинке колеса обозрения. Скорее всего. Новость о смерти она узнала уже дома от мамы, и почему-то казалось важным просчитать, что именно она делала, о чем думала, когда папа лежал, мертвый, на асфальте.

Фура врезалась в папину машину на въезде в город, а дома он обещал быть в четыре. С момента, когда машина проезжала синюю табличку «Минск» и до приезда домой — около часа. Аня это хорошо знала, она всегда этот час еле дотерпевала до дома. Ей хотелось писать, хотелось есть, хотелось еще черт знает чего. Обычно папа ее забалтывал, рассказывал смешные истории, она хохотала.

Значит, папа умер где-то в три часа.

В два закончился спектакль «Кошкин дом» в ТЮЗе, куда они всем классом в тот

день ходили. Классная, Мария Ивановна, высокая и какая-то всегда измученная блондинка, предложила дойти пешком до парка Горького и прокатиться на колесе. Мол, весна, погода такая солнечная, как раз в парке будет хорошо.

В кабинке колеса обозрения Аня оказалась с двумя гадкими одноклассницами и соседом по парте, Лёшей. Он сразу забился в угол и упорно смотрел только в окно, на землю и деревья, становящиеся все меньше и меньше. Одноклассницы по-недоброму цеплялись к Ане, дразнили их с Лёшей, что они не только за одной партой сидят, но и «лю-ю-юбят» друг друга. Лёша презрительно кривился и бурчал, что Аня ему вообще не нравится, Аня следовала его примеру, копируя брезгливую интонацию.

И это занимало Аню, когда папа захлебывался кровью на въезде в город.

Целыми днями мама плакала, закрывалась в спальне, не смотрела и не разговаривала с Аней. А потом куда-то исчезла. Аня жила то у бабушки, то у тети. Тетя была совсем не похожа на маму, и Аня удивлялась про себя, как это они сестры. У тети, даже если она была серьезной, улыбка всегда была поблизости, наготове. Однажды тетя с мужем посадили Аню на заднее сиденье своей синей машины и привезли к серо-розовому зданию с большими окнами. Вошли внутрь, присели на металлическую лавку. Ждали долго. По коридору проносились люди в белых халатах, а еще туда-сюда ходил сутулый бородатый мужчина и что-то нашептывал в кулак, поминутно оборачиваясь. Аня хотела спросить, что он делает, но испугалась почему-то.

Мама вышла в старом своем домашнем платье, поверх — вязаный свитер, от которого вниз спускалась нитка. Мама была бледная, двигалась медленно, в ее теле как будто не стало жизни. Она почти не смотрела на Аню, говорила только с тетей, тихо-тихо. И лишь напоследок вдруг обняла Аню, аж больно стало в ребрах. Но ничего не сказала.

Через несколько месяцев мама вернулась домой. В ту ночь зареванная мама попросила Аню прийти к ней в кровать и поспать рядом. Аня вылезла из-под одеяла, босиком прошлепала в родительскую спальню, в темноте задела боком комод, с которого упали бутылочки с лекарствами. «Ничего, дочка, я подниму утром. Ты, может, пижаму сними, у нас с папой одеяло теплое», — мама лежала на боку, ее плечи вздрагивали, голова ее, освещенная ярким фонарем из незашторенного окна, была похожа на череп.

— Мы остались с тобой вдвоем, Анята. Ты же меня никогда не бросишь, да? Всегда будешь с мамой? Я не могу пойти туда, куда ушел папа, Аня, из-за тебя не могу. Но ничего, папы нет, зато ты у меня есть, девочка моя, — мама лежала на спине, обнимала Аню за плечи и поглаживала ее голову, прижимая к своей ключице. Щекой Аня чувствовала соленую мамину воду.

Аня энергично, насколько позволяла поза, кивала. Конечно, она никогда не бросит маму. Раз все теперь зависело от Ани, то она будет сильной, она никогда не подведет маму, никогда не заставит ее плакать. Никогда не будет ее расстраивать, чтобы мама снова не оставила Аню, чтобы ее не поглотили мрачные коридоры серо-розового здания с большими окнами. Коридоры, по которым бродят страшные, страшные, больные люди.

Аня сделает все, отдаст маме себя всю, лишь бы мама никогда больше не была больной и несчастной.

Аня спасет маму.

Это длилось около двух лет, — Аня с мамой в одной кровати. Иногда было противно, мамино дыхание слишком близко, ее запах, который Аня привыкла чувствовать, только когда мама ее обнимала, был совсем рядом, сильный, насыщенный:

пот, духи, ее волосы, что-то горьковато-сладкое. Во сне мама могла прижаться к Ане, обнять за талию сзади, щекотно дышать прямо в шею.

Однажды у Ани пучило живот, она тихонько выбралась из-под одеяла и прошла на цыпочках в туалет. Через несколько минут ворвалась мама, закричала, чтобы Аня больше не смела, никогда не смела так делать — бросать ее в ночи, оставлять ее одну, как отец, как папаша, никогда, никогда!

И Аня научилась терпеть. Она могла полночи не спать, держать мочу в себе, дожидаясь утра. Но, если вечером она неосмотрительно напилась сока или газировки, и уже в два ночи все тело превращалось в больно пульсирующий пузырь внизу живота, она аккуратно проводила рукой по плечу или щеке мамы, шептала, что отойдет, но придет скоро-скоро. И уходила, дождавшись сонного кивка.

Как-то утром Аня набросилась на маму и заколотила по ней кулаками.

— Анечка, ну полно, иди ко мне, — пыталась мама притянуть дочь к себе, но девочка вырвалась и закрылась в ванной.

— Аня, что же ты со мной делаешь, пощади меня, открой! — кричала мама в щель между дверью и стеной, а Аня сидела на полу и рыдала, больно сжимая пальцами кожу лица.

Это повторялось несколько раз. И даже потом, когда вроде бы все было хорошо и мама пыталась обнять или поцеловать дочь, Аня тут же отворачивалась и резко высвобождалась.

Однажды на уроке математики она взяла острый колпачок от ручки и начала силой водить им по кисти, дожидаясь, когда выступит кровь. Потом опытным путем открыла, что иголки, нож, лезвие для этого подходят намного лучше, чем колпачок.

4

— Смотри-ка, кто пришел, — девочка указала на двух женщин, неуклюже снимающих с плеч пуховики и усаживающихся в третьем ряду.

— Не может быть, что она тут делает? — Аня рассматривала родную рыжую голову, которая активно поворачивалась то вправо, то влево, и каждый поворот сопровождался блеском сережек-цепочек, которые Аня подарила маме на Восьмое марта.

Присмотрелась ко второй голове и узнала в ней Марину, подругу мамы, а рядом с Мариной, значит, уселась ее семилетняя дочка Ая.

— Привели Аю смотреть про Солнце? Она же маленькая совсем, — Аня вжалась в кресло и молилась планетарию, чтобы он не позволил матери обернуться и узнать ее.

— Расслабься, не запалит она тебя. Она ж думает, что ты на спецкурсе по математике? Готовишься к экзамену в девятый класс?

— Тем более, — прошептала Аня и накинула капюшон.

Свет погас. На куполе вспыхнул огромный горящий оранжевый шар, рядом с ним совсем крохотный шарик, потом еще один, потом третий — Земля.

«Солнечная система включает центральную звезду — Солнце и восемь планет, вращающихся вокруг нее», — произнес красивый мужской голос.

Аня пыталась расслабиться, дышать медленно, как обычно, но все было не то, она не могла перестать думать о маме в зале, это было похоже на раздражающую занозу или сломанный ноготь — невозможно ничего делать, пока не разберешься с этим.

— Аня, ты чего? — шипела мертвая девочка. — Сегодня самый важный сеанс, всё, что было раньше, было ради него, а ты не можешь собраться?

Камера скользила по бурлящей поверхности Солнца. Аня прикрыла глаза. Внутри все горело так же, как на куполе. Аня растворялась в зале; страхи, любовь,

вожделение, стыд, вина, радость — Аня становилась сосудом, наполняющимся этими людьми и их жизнями.

И вдруг...

Нет!

Она не может. Она не будет.

— Аня, так надо. Давай.

— Я не хочу.

— Боишься за нее?

Весной природа просыпается, распускается трава, на деревьях появляются листья, оживает животный мир. И все это благодаря одному-единственному Солнцу, матери жизни на Земле.

— Конечно! Это моя МАМА!

— Твоя хорошая, святая мама? А то, что она с тобой делала совсем недавно, тебе неважно?

— Что же она делала? Что ты все твердишь? Что ты несешь?

Ане страшно хотелось отвернуться, но мертвая девочка вцепилась в плечи ледяными своими руками, молча смотрела в глаза и не позволяла пошевелиться.

И Аня увидела.

Ночь, она в родительской кровати, справа, на месте папы. Лежит, застывшая, делает вид, что спит. Мама снова прижимается к ней, Аня чувствует прикосновение к бедру, мамина рука медленно поднимается, соскальзывает к животу. И опускается. Мамины пальцы холодные и противные.

Это будто и происходит, и не происходит. Аня разделилась, раздвоилась: есть кто-то живой, который смотрит на это со стороны, и вот это застывшее тело в кровати с мамой. Замершее. Мертвое.

Хорошая, заботливая мама. Мама, все еще страдающая без папы. Мама, все еще принимающая по горсти таблеток по утрам. Так и не спасенная мама, — Аня ненавидела ее.

И за эту ненависть Аня наказывала себя, расковыривая руку колпачком до крови, а позже и вода по коже лезвием, оставляя красивые красные полоски.

— Только за это ты себя наказывала?

И тогда же в парке появилась мертвая девочка, все талдычащая про то, что мама не должна была так делать.

— Да, Аня, всё так — да не так. Что там еще было? В комнате? В постели с мамой?

Аня смотрела в прозрачно-голубые глаза девочки, которая стала необычайно, раздражающе спокойной.

— Это все правда, Аня. Она отобрала твое тело, — пальцы девочки больно впились в плечи. — Забрала его себе. Но ты можешь его вернуть. Я — твое тело. Все самое важное происходит в воображении, Аня. Не надо этого бояться. Раньше же не боялась.

— Так что же там еще было? Ты скажи! Я не могу, — обхватив колени, Аня уткнулась в них лицом.

— Ты сама знаешь, — девочка наклонилась и шептала на ухо. — Два года назад, когда она сказала, что теперь ты будешь спать в своей комнате, что тогда произошло?

Тем вечером Аня задержалась на спецкурсе по химии и вернулась поздно, уже темно. Она вошла к себе в комнату скинуть рюкзак и увидела заправленную постель. От белья резко пахло ополаскивателем «Горный источник». Мама сказала, что теперь Аня будет спать у себя. Одна.

Вспоминая, Аня как будто пальцами выкапывала что-то из твердой черной земли. Земля не поддавалась. Картинка не появлялась.

Вспомнила. Она рыдала весь вечер. Кричала. Дубасила кулаками по стене. Орала, что ни в какую свою комнату она не вернется. Что будет спать с ней, с мамой. Всю жизнь.

— Я не хотела уходить. Мне это нравилось. Мне нравилось быть с ней. Мне нравилось, что она рядом, как она пахнет, как она обнимает меня. Мне нравилось то, что происходило ночью.

Ноги Ани стали каменными и вросли в пол, руки превратились в безвольные плети. Жизнь медленно покидала тело Ани.

— Я отвратительна.

— Телу нравилось, Аня. Тело ребенка — тупое. Делай с ним что хочешь — ему будет нравиться. Взрослые на то и взрослые, чтобы не пользоваться этим. Но признать это удовольствие невозможно, невыносимо. Ты не виновата, ты ничего не делала — она делала. Ты наказывала себя не только за ненависть к ней, но и за удовольствие, Аня. Но ты — не виновата. Ты — не отвратительна.

Аня молчала и дышала, медленно, целую вечность. В солнечном сплетении загорелся крошечный огонек. Он становился все сильнее, увереннее, ярче. Свет пошел по всему телу и напитал его. Аня выпрямилась, ее лицо было спокойным.

— Я больше не буду резать себя?

— Если сделаешь то, что должна, — нет.

Аня глубоко вдохнула и выдыхала бесконечно долго.

Солнце дарит Земле жизнь, но при этом и несет в себе огромные опасности. Одна из них — ультрафиолетовое излучение, в больших количествах способное уничтожить все живое.

Во тьме планетария рыжеволосая женщина в третьем ряду достала из-под кресла нож, вытянула руку вперед и с силой воткнула нож себе в грудь. Отвела руку — и снова воткнула.

И снова.

И снова.

И снова.

И в лицо.

И снова.

И снова.

И в пах.

И снова.

И снова.

И снова.

Серебряные серьги-цепочки утонули в кровавой кашеце.

Тьма планетария отступала, Аня открыла глаза.

Рыжая женщина в третьем ряду поднялась с сиденья, что-то сказала на ухо спутнице, они захохотали, спутница взяла за руку дочку в красной шубке, и они направились к выходу.

Кресло, где сидела мертвая девочка, было пустым.

В следующий раз Аня оказалась в парке Горького через несколько месяцев, летом. Она шла по залитой солнечным светом дорожке, рядом болтала подруга Рита, а два одноклассника обсуждали, можно ли курить в кабинке колеса обозрения, куда они вчетвером направлялись. На Рите и одноклассниках была одежда, и кожа их не казалась прозрачной. Они были живыми. И Аня тоже — Аня была живая.

Фатум

1

— Ну харашо, унучок, што жэнішся, харашо! Тока я к вам не приеду, старая же, куды мне да города чатыры часа тирпеть, не, кости мои ни выдержат!

Алексей аккуратно обнял маленькую хрупкую бабушку Жанну, прощаясь. Он, конечно, знал, что никуда она не поедет, но пригласить нужно было. Невесту показать не привез, Алина уперлась и целый день тратить на поездку отказалась: дедаины у нее в универе.

Баба Жанна обхватила сухими ладонями лицо внука и, жмурясь от солнца, всматривалась в юную кожу с веснушками, выступающие скулы, ярко-синие глаза.

— Тольки малодзеньки ты таки, ох яки малодзеньки! Ну, шасця вам, молодым. Хай все с тобой хорошо будет, родненький. Хай пракляцце тебя не коснется, — и перекрестилась.

— Бабуль, что?

Бабушка зарыдала исступленно, отдавая неведомому горю себя всю. Алексей не реагировал — привык, знал, что ей нужно оторваться, а дальше снова заговорит как ни в чем не бывало.

— Саграшыу прадзед Казик твой, саграшыу, гвалтаунік¹ паганы! И прокляла яго Ядвига, ведзьма, точна гавару табе! И усё — прадзед умёр, рабёнка не даждаушыся, дзед твой памёр, как жонка зацяжарыла², батька твой тожа ж — памёр, кагда мамка на чатьвёртym месяце была! Ох хоць бы да трэцяга калена это тольки было, хоць бы ты выжыу, Ляксеюшка мой дараги, — и снова в слезы.

Белая «Тойота» Алексея уже проехала синий указатель «Минск», когда позвонил телефон. Включил громкую связь.

— Крокодилчик, ты скоро?

— Да, Алин, уже в город въехал.

— А что мы невеселые такие?

— Да устал я.

— У меня новость для тебя, — голос Алины звучал странно, слишком возбужденно, словно это была не совсем она, а кто-то очень на нее похожий, — рановато это все, возможно, но мы же все равно женимся.

— Ящерка, ты о чем?

— Приедешь — узнаешь, — как никогда звонко хихикнула невеста и отключилась.

Тяжелыми ногами Алексей поднимался по лестнице. Сырой, серый запах помытого пола в подъезде перенес его в детский сад, где маленький Лёшенька вечерами ждал маму, спешащую со второй работы. Воспитательница уходила в семь и разрешала ему сидеть в коридоре. Уборщица меланхолично водила уродливой тряпкой по полу, иногда доставала из кармана грязно-голубого халата «Красную шапочку» в желтой обертке или «Аэрофлотскую» в синей. Лёша бормотал «спасибо» и засовывал конфету в карман. Почему-то было стыдно развернуть эту конфету и прямо перед уборщицей ее съесть, хотя и очень хотелось.

Он знал, что папа умер, когда мама была беременна, но постоянно забывал, как. То ли insult, то ли сердечный приступ. Мама не любила говорить об этом,

¹ Насильник (белорус.).

² Забеременела (белорус.).

сворачивала беседу словами: «Он был хорошим человеком и любил бы тебя, крепко-крепко. Это все, что тебе нужно знать».

— Милый, — юная воздушная Алина, босиком, в коротких шортах и не прикрывающей пупок майке встала на цыпочки и влажно поцеловала его в губы. — Как съездил, как бабушка?

— Хорошо, — он отвечал рассеянно, снимая через голову майку. — Устал очень, любимая, — попытался улыбнуться. — В душ и спать? Завтра ж на работу, — привычным движением он притянул Алину к себе и уткнулся носом в ее макушку — она пахла измельченным миндалем из марципана, это был ее естественный, животный запах. Он терпеть не мог, когда она его заглушала духами.

— Лё-ё-ёш, — Алина высвободилась и слегка развернула ступни пальцами внутрь, «капризная маленькая девочка» называл Алексей про себя эту позу. И голос ее становился манерным, требовательным. Взмахнула головой, затряслись пышные мелкие кудряшки. Как он любил мять эти кудряшки в кулаке, прижимаясь грудью к ее спине и ощущая, как подергивается ее тело.

— Лёш, у меня же новости. Помнишь, презерватив порвался и мы решили, что и черт с ним? Похоже, я беременна, Лёш.

2

Грудь Алины становились все больше, превращались из подростково-недооформившихся в настоящие сиськи — иначе их теперь Алексей про себя не называл. Ее плоский, а по утрам даже впалый живот округлялся и надувался. В домофон звонили курьеры с пакетами одежды для беременных, Алина зачем-то оправдывалась, что все накупленное будет носить и потом.

Алексей привык, что у Алины много личин. Утром это могла быть беспомощная девочка с тонким голоском, вся такая спаси-меня-я-сама-не-умею, а вечером со встречи с продвинутыми подружками приходила воинствующая феминистка, толкающая речи про «мое тело — мое дело» и гендерную дискриминацию на рабочем месте. Как-то привел ее на корпоратив, и она сцепилась с боссом, потому что он рассказал «сексистский» анекдот.

Но сейчас в ней просыпалось что-то новое, доселе Алексеем не изученное. Алина улыбалась, но не как раньше, нервно и как будто фальшиво, а по-настоящему, глубоко, спокойно. Как будто ей стал доступен какой-то секрет, над которым бьются глупые люди, Алексей в том числе, но рассказать она этот секрет не может. Она становилась все более самодостаточной и далекой с этим своим животом.

Она по-другому реагировала на его ласки. То тянула в спальню после невинного поцелуя в щеку, то высвобождалась из объятий, будто он ей стал противен. В сексе невеста позволяла ему не все, чего он хотел. Стоило во время прелюдии его пальцам приблизиться к запретной впадинке, как Алина тут же вспыхивала, отталкивала его и срывающимся голосом повторяла: мне было очень больно, я не хочу, никакого удовольствия я от этого не получаю, и это все порнография, это все вам, мужикам, промьли мозги, что женщина прямо охуительно кончает, когда у нее в жопе огромный хер, а это неправда, неправда! Алексей смотрел на нее, слова летели мимо, и он прикидывал: ведь она такая мелкая, его Алина. Ведь скрутить ее тоненькие ручки так просто. И рот можно зажать ладонью. Конечно, он бы использовал много смазки, он бы не сделал своей девочке больно. Ведь дуреха не понимает, что стоит чуть-чуть потерпеть, не боль даже, а небольшой дискомфорт, и потом ей самой же будет хорошо. Она же кончила в прошлый раз, когда он ее на это уговорил. Он будет нежным, он будет двигаться медленно. И когда он отнимет руку от ее рта, она, обессиленная от

удовольствия, его страстно и благодарно поцелует. Ведь он был прав, и этого хотела она сама — она наконец-то это поймет.

Ведь так естественно и натурально для мужчины — брать то, что он хочет. Разве не это и есть мужественность? Мужчина должен быть сильным и решительным. Разве не эту силу и ищут женщины? Потому что мужчина всегда лучше знает, как надо. И имеет право взять свое. Да и бабы — они же сами не понимают, чего хотят, пока этого с ними не сделаешь.

Правда же, прадед Казимир?

3

Полгода назад Алина начала ходить на групповую психотерапию, чтобы потом, когда закончит факультет психологии, сразу получить и сертификат группового аналитика. Уговаривала и будущего мужа — в другую группу, близким людям быть в одной нельзя. Он долго упирался, но согласился один раз попробовать. И остался.

Пол небольшого кабинета покрывал мохнатый бежевый ковер, на котором в круг стояли десять стульев. Белые жалюзи всегда были прикрыты, и свет в помещение пробивался мягкий, несмелый, делая участников серыми, безликими. Вдоль стен стояли книжные шкафы: «Введение в психоанализ», «Очерки по психологии сексуальности», «Толкование сновидений». Сессии начинались в одиннадцать утра, две субботы в месяц. Люди приходили, рассаживались. Сразу или после нескольких минут молчания кто-то начинал говорить. Активно высказывались человек пять, остальные или молчали, или говорили, но намного меньше. Алексей чаще молчал. Как-то одна девушка назвала его «загадочным». Он загадочно на это улыбнулся.

В тот раз одна из обычно молчавших девушек рассказала, что в пятнадцать лет ее чуть не изнасиловали. Она возвращалась с занятий танцами, зима, темнота, на нее напали сзади. Спас сосед, который вышел из подъезда. Девушка говорила и тянулась за белыми салфетками, замолкала, сморкалась и вытирала лицо. В ее руке была уже целая горсть использованных салфеток.

Девушку звали Лина. Пару сессий назад она обмолвилась, что в детстве много врала. Что-то в ней было ужасно отталкивающее: взгляд в пол, тонкие прозрачные запястья. Она постоянно, даже когда не плакала и не сморкалась, сжимала в руке салфетку. Алексею было противно думать о том, что ее ладони так сильно потеют, что без салфетки она не может. Лина как будто застряла в детском или подростковом возрасте и ждала, что сейчас все ее будут жалеть и опекать. Такая овца, так и призывающая над ней надругаться.

— Лина, а почему ты думаешь, что он хотел именно изнасиловать? Может, просто — обокрасть и все? Что у вас женщин за фиксация эта на изнасилованиях? Может, вы и правда бессознательно этого хотите? Есть же такое? — Алексей попытался найти поддержку у психолога Елены, ведущей группу. В тот день ее светлые волосы были убраны в высокий хвост, белая рубашка застегнута на все пуговицы.

Лина вскочила и выбежала из кабинета.

— Алексей, вам кажется, что женщины хотят быть изнасилованными? — невозмутимо повернулась к нему Елена с блокнотом на коленях и ручкой наготове.

— Ну да, я слышал о таком. Ну не всех же насилюют. Жертвы притягивают своих насильников. Виктимное поведение — это же не я придумал. Женщина ведь сама может не понимать, что бессознательно этого хочет. Ну разве нет?

— Ну ты и мудака, оказывается, — фыркнула длинноволосая брюнетка, сидящая напротив.

— Ты не согласна?

— Нет, конечно. Никто из адекватных нормальных людей с таким не согласится, Лёша.

Алексей шел по скверу, с силой раскидывая носками тяжелых ботинок громкие желтые и красные листья. Обычно после сессий он приходил домой взбудораженный, вдохновленный, обсуждал с Алиной, что там происходило, пересказывал интересные истории. Но сейчас домой не хотелось. Алина заполняла своим новым блаженством, ему недоступным, всю квартиру, и даже если он объяснял, что хочет побыть один, закрывал дверь в комнату, — одиночества все равно не получалось. Сам воздух как будто стал *присутствующим*, ядовитым, медленно отравляющим. Что-то он делал с Алексеем, этот воздух. Вот и в группе — что это было? Чего он решил высунуться с этими рассуждениями? Какое ему дело до изнасилованных и насилующих?

4

Свадьба получилась короткой и скомканной. Алина не пила, почти не ела, быстро устала. Белое платье обтягивало ее все еще субтильное тело с нелепо торчащим животом. Обе мамы крутились вокруг Алины, будто она инвалид. Лёша улыбался и целовал ее, целовал и улыбался. До рождения дочери оставалось четыре месяца.

Он курил возле ресторана, красивый в дорогом костюме и белоснежной рубашке.

— Не знала, что ты куришь, — подошла высокая женщина с шелковой накидкой на плечах, бокалом красного вина в одной руке и сигаретой в другой.

— Я о тебе тоже, — улыбнулся он, поднося зажигалку к сигарете.

— Счастлив?

— Страшно.

По вечернему проспекту неслись машины, увозя людей куда-то далеко, в свободу.

— Мама, а что там прадед сделал? Бабушка говорила, что нас прокляли.

— Дура твоя бабушка. Зачем рассказала? Твой отец вот тоже к ней съездил поделиться новостью счастливой, мы же тебя так ждали, так ждали! А вернулся уничтоженный. Долбанутая.

— Мам.

— Что мам? Есть легенда, что когда-то твой прадед вступил в связь с некой Ядвигой... не совсем по ее воле, так сказать... Она забеременела, пыталась сама сделать аборт и, конечно, умерла от потери крови, — в те времена аборт так и заканчивались. И с тех пор мужчины в роду умирают, не дожив до рождения своих детей. И каково мужчине — знать о своем предке такое? Дура баба Жанна! Зачем такое рассказывать. И я — дура пьяная, — она залпом допила вино.

— Изнасиловал.

— Типа того, — мама кинула бычок в серебристую мусорку. — Идем, отец семейства. Не верь херне.

— Мама, что за выражения! — от неожиданности он искренне, по-детски рассмеялся, впервые за много месяцев.

5

Алина стояла в коридоре лохматая, сонная, в леггинсах и мягком сером халате с розовыми котами. Поглаживала выпирающий живот.

— Крокодильчик, когда вернешься?

— Не знаю. Как все улажу, — вернусь, — он чмокнул ее в щеку.

Раньше бы она учуяла — по интонации, взглядам. Всего несколько месяцев назад все было иначе: если он замыкался, недоговаривал, отвечал односложно, — она сразу чувствовала. Она цеплялась к нему, расспрашивала; если не помогало, — закатывала истерики. Это могли быть разногласия с шефом, распри с коллегами, расстройства, что в любимой машине снова что-то сломалось и нужно вкидывать деньги в ремонт — глупости, никогда ничего серьезного. Иногда он ловил себя, что специально молчит, тянет, нагнетает, не признаётся ей, что его тяготит, лишь бы она снова кричала и рыдала — ради него, от любви к нему. А сейчас, казалось, ей было все равно. Она стала цельной. Он не был ей нужен.

Он гнал по пустой туманной трассе Минск—Гомель, стрелка спидометра колебалась в районе ста двадцати. В Гомеле была квартира друга, который давно живет в Москве. Заехать к его маме, взять ключи, заселиться. Шеф разрешил на время уйти на удаленку. Нужно найти завтра, где обедать, куда ходить за продуктами.

Он шел по бетонной набережной реки Сож. Он прощался: с голыми деревьями, вечной осенне-зимней серостью, темной застывшей водой. Воздух продолжал отравлять его, повсюду его преследовал запах гари, которого никто другой не чувствовал. Оно утянет его туда, вслед за отцом, вслед за дедом и прадедом. Так тому и быть — проклятый род насильников. Прости, Ядвига.

6

Через восемь лет Алексей сидел за столиком в кафе при кинотеатре «Беларусь». Сладко пахло попкорном с карамелью. Возле входа в кинозал стоял большой стенд с фото Анджелины Джоли с двумя закрученными рогами на голове. Напротив Алексея светловолосая девочка в фиолетовой куртке крутила в руках продолговатую стеклянную сахарницу. На столике блестела скомканная фольга от шоколадки.

— У нас такая же, — произнесла девочка.

— Что?

— Сахарница. Виталик купил. Мама старую разбила и расстроилась. Виталик купил сразу новую. Виталик — хороший, — с нажимом произнесла девочка и посмотрела на него как будто с укором, но он тут же убедил себя, что показалось.

Женщина в бордовой униформе открыла дверь в кинозал, выставила пластиковый ящик с 3D-очками.

— Пойдем, дочка, зал открыли. Сфотографировать тебя с Малефисентой?

Девочка кивнула и медленно пошла к стенду. Кроваво-красные губы Малефисенты задвигались, она посмотрела Алексею в глаза и четко произнесла: «Ты — умрешь». Он навел камеру смартфона на дочь. Она смотрела исподлобья и не улыбалась.